

Е. Н. Громова, Е. Н. Мозжегорова

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ЧУВАШСКОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ АНГЛОГОВОРЯЩИХ ТУРИСТОВ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблемы перевода чувашской безэквивалентной лексики на английский язык в аспекте создания языковой среды для англоговорящих туристов в Чувашской Республике. В качестве материала послужили ресурсы Чувашского национального музея. В общей сложности было проанализировано 523 примера единиц чувашской безэквивалентной лексики и их перевод на английский язык.

В статье рассмотрены примеры перевода чувашской безэквивалентной лексики и идентифицированы приемы передачи подобной лексики на английский язык.

Предметом исследования выступают особенности перевода чувашской безэквивалентной лексики на английский язык на материале фондов Чувашского национального музея с целью создания языковой среды для англоговорящих туристов в Чувашской Республике.

Целью данного исследования является выявление особенностей перевода чувашской безэквивалентной лексики на английский язык на материале фондов Чувашского национального музея в аспекте создания языковой среды для англоговорящих туристов в Чувашской Республике.

Результаты исследования показывают, что самым используемым приемом перевода чувашской безэквивалентной лексики является транслитерационно-описательный перевод (70 %), который вбирает в себя два способа: транслитерацию и описательный перевод. По нашему мнению, такой перевод наиболее полно передает рассмотренные нами реалии, так как в случае использования только транслитерации / транскрипции переводчику все равно придется дать сноску, а в случае лишь описательного перевода слово становится для иностранца невоспринимаемым, ему сложно будет запомнить новое выражение и выстроить ассоциации. Далее идет прием генерализации (16 %), в некоторых случаях он был уместен, так как можно было подобрать слово с наиболее широким понятием. Наименее используемым способом оказалось калькирование (6 %).

Ключевые слова: *языковая среда, чувашская безэквивалентная лексика, переводческие трансформации, межкультурные контакты, туризм.*

Е. Н. Gromova, E. N. Mozhgorova

THE PROBLEM OF TRANSLATING CHUVASH NON-EQUIVALENT VOCABULARY INTO ENGLISH IN THE ASPECT OF CREATING A LANGUAGE ENVIRONMENT FOR ENGLISH-SPEAKING TOURISTS IN THE CHUVASH REPUBLIC

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the problem of translating the Chuvash non-equivalent vocabulary into English in terms of creating a linguistic environment for English-speaking tourists in the Chuvash Republic. The resources of the Chuvash National Museum were used as material. In total, 523 units of the Chuvash non-equivalent vocabulary and their translation into English were analyzed.

The article considers the examples of the translation of the Chuvash non-equivalent vocabulary and identifies the methods of transferring such vocabulary into English.

The subject of the research is the peculiarities of the translation of the Chuvash non-equivalent vocabulary into English based on the materials of the Chuvash National Museum in order to create a linguistic environment for English-speaking tourists in the Chuvash Republic.

The purpose of this study is to identify the features of the translation of the Chuvash non-equivalent vocabulary into English on the material of the funds of the Chuvash National Museum in terms of creating a linguistic environment for English-speaking tourists using the example of the Chuvash Republic.

The research results show that the most used method of translating the Chuvash non-equivalent vocabulary is transliterative-descriptive translation (70 %), which includes two methods: transliteration and descriptive translation. In our opinion, such a translation most fully conveys the realities we have considered, since in the case of using only transliteration / transcription, the translator will still have to give a footnote, and in the case of only a descriptive translation, the word becomes imperceptible for a foreigner, it will be difficult to remember it and build associations. Next comes the generalization technique (16 %), in some cases it was appropriate, since it was possible to choose a word with the broadest concept. The least used method was loan-translation (6 %).

Keywords: *linguistic environment, Chuvash non-equivalent vocabulary, translation transformations, intercultural contacts, tourism.*

Введение. Язык – зеркало культуры, которое отражает не только реальный мир, окружающий человека, не только жизненные обстоятельства, в которых он находится, но и общественное сознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, обычаи, традиции, систему ценностей, мировоззрение, видение мира. В свою очередь, сложившаяся зависимость языка от культуры порождает трудности с точки зрения межкультурного взаимодействия. Мы живем в глобализованном и мультикультурном обществе, что обуславливает необходимость межкультурных контактов. Одной из таких форм межкультурных контактов является туризм.

Туристический потенциал региона и его привлекательность не только для внутренних, но и для внешних туристов является точкой роста для всего региона в целом. Для развития туристического потенциала региона необходимо выработать общую стратегию и программу, где должны обязательно учитываться все аспекты этой сферы: материальный, логистический, организационно-управленческий и т. д.

Одним из важных аспектов остается вопрос создания языковой среды для иностранных туристов. Вопрос выбора языка также остается актуальным с учетом многообразия языков. Английский язык уже давно занял место главного средства международного общения, следовательно, при создании языковой среды для иностранных туристов в Чувашской Республике целесообразным будет ориентироваться именно на него, учитывая также расположение региона.

Следующим важным вопросом становится вопрос выбора языкового материала, подлежащего переводу на иностранный язык. Очевидно, что здесь на первый план выходит языковой материал, непосредственно связанный с топонимикой региона, а также безэквивалентная лексика. В теории перевода это понятие рассматривают по-разному: как реалию, как экзотическую лексику, как слова, неперебиваемые на другой язык, и как слова, которые отсутствуют в другой культуре. Между тем, как отмечают исследователи, проблема безэквивалентности вовсе не означает, что такая лексика неперебиваема. В реальном контексте существуют определенные приемы для передачи безэквивалентной лексики.

Методологическую основу данного исследования составляют труды таких исследователей, как Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, С. Влахов и С. Флорин, В. С. Виноградов, О. А. Иванов, Л. К. Латышев, В. В. Кабакчи, А. В. Федоров, Т. А. Казакова, П. П. Михайлов и др.

Предметом исследования стали особенности перевода чувашской безэквивалентной лексики на английский язык на материале фондов Чувашского национального музея с целью создания языковой среды для англоговорящих туристов в Чувашской Республике.

Целью предлагаемого исследования является выявление особенностей перевода чувашской безэквивалентной лексики на английский язык на материале фондов Чувашского национального музея в аспекте создания языковой среды для англоговорящих туристов на примере Чувашской Республики.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность данной темы заключается в потребности перевода чувашской безэквивалентной лексики на английский язык в аспекте создания языковой среды для англоговорящих туристов в Чувашской Республике.

Безэквивалентная лексика является хранилищем национально-культурной специфики языка, в котором зафиксирована специфическая информация об историческом развитии, традициях, быте данного языкового культурного пространства. Как особый «маркер» национальной культуры, безэквивалентная лексика вызывает неизменный интерес исследователей в области теории и практики перевода, лингвокультурологии, лингвострановедения, лексикологии и др.

Материал и методы исследования. Материалом для практического исследования послужили этнографические экспонаты фондов Чувашского национального музея, так как они в большей степени представлены в коллекциях и экспозициях музея. По С. Влахову и С. Флорину, этнографические реалии имеют следующие подвиды: «быт (пища, напитки, одежда, жилье и т. д.), труд (орудия труда, организация труда), искусство и культура (музыкальные инструменты, фольклор, мифология, обычаи и ритуалы), этнические объекты» [3, с. 152]. Опираясь на их классификацию, мы также выделили и распределили этнографические реалии чувашского народа по нескольким тематическим группам:

- одежда и обувь, среди которых было найдено 139 примеров;
- украшения (122 примера);
- термины орнамента чувашской народной вышивки (49 примеров);
- пища (94 примера);
- музыкальные инструменты (8 примеров);
- чувашские языческие обряды (27 примеров);
- термины чувашской мифологии (84 примера).

Всего в результате отбора было получено 523 необходимые нам единицы, имеющие безэквивалентный характер.

Для достижения поставленной цели исследования были использованы следующие методы: метод анализа и синтеза, сопоставительный и описательный методы, метод сравнения, метод контекстуального анализа и целостной интерпретации.

Результаты исследования и их обсуждение. Термин «безэквивалентная лексика» является не новым в лингвистике, но до сих пор не существует единого определения данного явления. Исследуя труды, рассматривающие общие и частные проблемы перевода, таких лингвистов, как А. О. Иванов, Л. Т. Микулина и Л. Мкртчян, можно проследить, что все они приходят к следующему выводу: «...мы можем определить безэквивалентную лексику как лексическую единицу исходного языка (ИЯ), которая не имеет в словарном составе переводящего языка эквивалентов, т. е. единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне плана выражения все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной лексической единицы» [4, с. 4].

Безэквивалентная лексика дает нам возможность познакомиться с национальными и историческими особенностями народов. Переводчик должен создать у читателя впечатление исторической и национальной среды. Безэквивалентная лексика чувашского языка

довольно редко выступает объектом специального лингвистического исследования, но она отражена в статьях и книгах по фольклористике, этнографии и т. д. П. П. Михайлов отмечает, что «среди национально окрашенных языковых единиц особое место занимают слова и выражения, как полностью не имеющие своих эквивалентов в материальных условиях жизни других народов (родственных и неродственных), в силу этого их приходится передавать в переводных словарях описательными средствами других языков» [9, с. 4]. Как отмечают исследователи, «в чувашском языке существует множество терминов, не имеющих аналогов в английском. В музеях нашей республики практически все представлено на русском и чувашском языках, поэтому иностранным туристам сложно знакомиться с культурой чувашского народа. Необходимо восполнить данный пробел и осуществить перевод национальных явлений на международный – английский язык» [1, с. 4].

Задача переводчика состоит в умении подобрать ряд соответствий единице оригинала и выбрать вариант, который наиболее подходит и адекватен в данном контексте. Другими словами, как утверждает Р. К. Миньяр-Белоручев, переводчик прибегает к лексическим трансформациям, а именно к «поиску лексических единиц, для которых у переводчика имеются готовые эквиваленты» [8, с. 167]. В то же время переводчику предоставляется некая свобода импровизации, так как такие слова не находятся в общеупотребительной лексике и не имеют эквивалентов.

В чувашском языке достаточно много слов, содержащих национальную специфику, поэтому для удобства мы решили разделить их на тематические группы. Следовательно, рассмотрим следующие виды этнографических реалий чувашского народа:

- одежда и обувь;
- украшения;
- термины орнамента чувашской народной вышивки;
- пища;
- музыкальные инструменты;
- чувашские языческие обряды;
- термины чувашской мифологии.

В настоящее время народный чувашский костюм является памятником культуры, который создавался в течение столетий, в разных географических ареалах и исторических обстоятельствах. Народный костюм зародился в среде мифологических представлений, развивался благодаря эстетическим воззрениям, природным влияниям, социально-экономическим и культурным условиям. Народный чувашский костюм делится на три основных вида по признакам этнографических групп: вирьял – верховые чуваша, анатри – низовые, анат енчи – средненизовые. Одежда этнических групп различается по пошиву, цветовым предпочтениям и орнаментальному характеру украшений. Различаются принадлежностями элементов по половому признаку, формам ношения, пошиву, орнаментальному украшению и цветовому сочетанию.

Рассмотрим наиболее известные термины чувашской национальной одежды.

Шупӑр – летняя верхняя одежда, халат из белого полотна. В данном случае можно воспользоваться приемом транслитерационно-описательного перевода, который в полной мере передаст содержание слова.

Shubar – summer outerwear, a robe made of white linen.

Пёркенчӑк (пёрке- (пёрке-) «покрывать») – «покрывало невесты, одно из принадлежностей свадебного одеяния. Представляет собой большое квадратное домотканое полотно с двусторонними вышитыми узорами по углам. По традиции на свадьбе невеста под покрывалом (пёркенчӑк) сидела в окружении близких подруг. Во время свадьбы происходил ритуал снятия покрывала, и невеста переодевалась в костюм замужней женщины. Истоки пёркенчӑк восходят к культуре Востока. Особенно широко данный предмет

распространен у древнеиранских народов и племен» [5, с. 324]. На английский язык наиболее адекватным переводом «пёркенчѣк» может послужить «wedding veil», что является приемом приближенного перевода (перевод при помощи аналога).

Асам – «вид верхней одежды, которую носили поверх кафтана или шубы» [5, с. 74]. Асам имел высокий воротник и значительную длину, его надевали в сырую погоду и в дорогу. Слово представлено в русских говорах: азам, озям – армяк из армячины или верблюжьего сукна, чапан. «Чапан» носят в Центральной Азии, в таких странах, как Узбекистан, Афганистан, Таджикистан, Казахстан и Кыргызстан. Под таким названием «асам» больше известен, поэтому в качестве английского эквивалента в данном случае можно использовать слово «charap». В данном случае был использован прием генерализации.

Для перевода следующих терминов можно также воспользоваться приемом транслитерационно-описательного перевода, так как он в полной мере позволяет ознакомиться со значением предмета.

Пустав – легкая верхняя одежда, изготовленная из тонкой ткани на подкладке. Обычно имеет черный или темно-синий цвет.

Pustav – black or dark blue outerwear made of thin fabric on a lining.

Сурпан – головная повязка у замужних женщин, представляющая собой узкое полотенце с вышитыми концами.

Surpan – a married woman's headband, which is a narrow towel with embroidered ends.

Тухья – девичий головной убор с закрытым, конусообразным верхом, украшенный бисером, серебряными монетами.

Tukhya – a maiden headgear with a closed, conical top, decorated with beads, silver coins.

Хушпу – головной убор с открытым верхом замужней женщины, украшенный монетами и бусами. Его задняя часть представляет собой длинную холщовую полоску, которая свисает от головы до пояса. Хушпу усеян бисером, монетами, бусинами овальной формы. Хушпу надевался на голову зауженным концом к верху. Обычно его надевали на свадьбу.

Khushpu – an open-top headgear for a married woman, decorated with coins, beads, etc., and its back part has a strip of cloth, descending to the waist.

Рассмотрим перевод названий чувашских народных украшений.

Алка – женское височное украшение из серебряных монет, богатое девичье украшение, которое надевали через шею. Девушки носили его на весенних хороводах, на свадьбах. Можно встретить перевод как просто «серьги», от араб. халка «серьги», но это не совсем правильно, так как они вешаются на уши сверху через шею, поэтому правильнее будет сделать описание слова.

Alka – female temple decorations (pendants) made of silver coins.

Ама – представляет собой нагрудное украшение для женщин, имеющее форму полукольца или трапеции. Это кожаная полоска 30–40 см в длину, украшенная разноцветным бисером и монетами. Раньше ама также включали металлическую литую деталь с изображением Солнца, Древа жизни, небосвода, где основное место уделялось руническим надписям. Аналог в данном случае подобрать сложно, поэтому воспользоваться можно приемом транслитерационно-описательного перевода:

Ama – women's breast jewelry in the form of a semicircle or trapezoid shape, which is a leather strip of 30-40 cm long, trimmed with colored beads and coins.

Существенную часть культуры чувашского народа составляют пища и напитки. Одним из наиболее распространенных напитков у чувашей был «уйран» – кисломолочный напиток, который имеет родство с кавказским айраном. Так как подобный напиток достаточно популярен среди разных народов, эквивалентом можно выбрать «ауган», что является примером приема генерализации.

Хуплу – традиционный праздничный пирог обычно круглой формы, с начинкой из картофеля и мяса. В наши дни сохраняет свою популярность, выпекается и подается

практически во всех заведениях общественного питания Чувашской Республики. Само слово прочно вошло в обиход и не требует перевода на русский язык. Мы предлагаем следующий вариант перевода на английский язык:

Khuplu – a festive pie of a round shape stuffed with potatoes, meat or fish.

Суп шўрпе входит в число основных блюд чувашской национальной кухни и обрядовых кушаний. Шўрпе готовили из мяса мелкого рогатого скота и крупных животных, таких как лошадь или бык. «В состав чувашской похлебки входят субпродукты – голова, ноги, внутренности, кровь животного» [5, с. 501]. Шўрпе – «похлебка, приготовляемая из мяса и голя свежезаколотого животного» [11, с. 625].

Shurpe – soup made from meat and lumps of a freshly chopped animal.

Шърттан [шъртан] – «рубец, начиненный рубленным мясом и зажаренный» [11, с. 613]. Данное изделие является видом колбас. В данном случае перевод можно осуществить кратким описанием, с использованием наименования предмета в форме транслитерации: sharttan – a traditional Chuvash sausage.

Юсман, *уст.* – «лепешка из пресного теста, употреблявшаяся при жертвоприношениях» [11, с. 643]. Представляет собой тонкую лепешку, из которой нарезается салма (галушки). Юсман обычно готовили в дни обрядов и жертвоприношений для того, чтобы преподнести киреметям.

Yusman – Chuvash sacrificial flatbread.

Чувашские народные музыкальные инструменты являются важной частью традиционной музыкальной культуры народа. Первые исторические сведения о чувашских народных музыкальных инструментах относятся к XVIII веку. В чувашской литературе встречаются сърнай (волынка), шърпър (пузырь), кърсле (гусли), вархан (губной орган).

Слово шърпър иногда переводят как «пузырь». Этот музыкальный инструмент похож на волынку, поэтому, чтобы вызвать знакомые ассоциации у англоязычных туристов, целесообразно будет перевести его как «волынка», добавив к нему прилагательное, определяющее его род, происхождение. Таким образом, перевод может выглядеть так: «Chuvash bagpipe».

«Палнай – чувашский народный музыкальный инструмент, самозвучающий щипковый. По сведениям этнографов, был широко распространен в XVIII–XIX веках. В настоящее время из употребления вышел (возрождается в современных фольклорных ансамблях)» [5, с. 97]. Лучше всего в данном случае осуществить перевод приемом описания вместе с транслитерацией:

Palnai – a Chuvash folk musical instrument, which is a plucked idiophone.

Чувашские языческие обряды можно разделить на две большие группы: календарные и переходные (семейно-возрастные). Третью группу составляют окказиональные обряды. Это так называемые обряды по какому-то случаю. Многие элементы окказиональных обрядов обнаруживаются, по мнению Н. И. и С. Н. Толстых и В. Г. Родионова, в календарных и переходных обрядах [10]. Рассмотрим перевод самых известных чувашских праздников и обрядов.

Акатуй – «массовый праздник по случаю завершения весеннего сева. В старинном чувашском быту акатуй начинался перед выходом на весенние полевые работы и завершался после окончания сева яровых» [6, с. 193].

Akatui – mass holiday on the occasion of the completion of spring sowing.

Чўк – «жертвоприношение, обряд приношения даров Верховному Богу Сўлти Турă, богам-духам и предкам. Чўк сопровождается выпрашиванием добра, благ, удач. Молитва в нем – обязательный элемент» [5, с. 492].

Chūk – praying with sacrifice.

Ниме – «обычай общинной жизни, форма родственной и соседской взаимопомощи для выполнения трудоемких и срочных работ (вывоз леса, возведение дома и пр.), помощь» [5, с. 296].

Nimé – free neighborhood assistance for labor-intensive and urgent work.

Важно отметить, что обряды тесно связаны с мифами и ритуалами, а они являются предметом лингвокультурологии. Описанные выше языковые единицы играют роль культурных стереотипов. Они называют предметы культуры и изучаются как в лингвокультурологии, так и в лингвострановедении.

Термины древнечувакской мифологии и демонологии являются мифологизированными языковыми единицами. Тем самым они напрямую связаны с предметом лингвокультурологии. Эти термины мы можем назвать мифологемами и архетипами. «Мифологема представляет собой важный для мифа персонаж, можно сказать, «главный герой» мифа. Архетип – это устойчивый образ, возникающий повсеместно в индивидуальных сознаниях и имеющий распространения в культуре» [7, с. 38].

Аслати – бог грома. В этом значении употребляется почти повсеместно, выступает в следующих вариантах: аслатти, ас-латте, алавти «бог грома». Словосочетания с опорным словом аслати: аслати амашё – мать бога грома (божество), аслати турри – бог грома.

Aslati – a god of thunder.

Киремет – дух, священная местность (гора или возвышенное место, родник или дерево, чаще всего старый дуб), символизирующая Перво-сушу – Первогору с Деревом и Водой потопа.

Kiremet – a spirit, a sacred area, most often an old oak.

Турă [Турь], Торă (верх. диалект), сўлти Турă – могущественное верховное существо, управляющее миром, выступающее как основной предмет религиозного поклонения и веры. «Верховный бог имел широкое распространение, др.-инд. Тара – божество, звезда; др.-иран. Тура – божество, Тор (арм., нем., сканд.), Тоора (фин., карел.), Таара (эст.), Торум (об.-угор.) и др.» [5, с. 409].

Tura – a powerful supreme god of Chuvash mythology.

Хăт (хот) – «название божества, покровитель скота. От древних тюрков был унаследован дух-хранитель счастья каждого человека, появившегося на свет (тат. кут, кот; чув. хăт, кăт), который в виде антропоморфной фигурки хранился в специальной шкатулке (тат. котыйчик), либо в мешочке (хутаç)» [2, с. 144].

Nat – a name of the deity, patron of cattle.

Выводы. Результаты исследования показывают, что самым используемым приемом перевода чувашской безэквивалентной лексики является транслитерационно-описательный перевод (70 %), который вбирает в себя два способа: транслитерацию и описательный перевод. По нашему мнению, такой перевод наиболее полно передает рассмотренные нами реалии, так как в случае использования только транслитерации / транскрипции переводчику все равно придется дать сноску, а в случае лишь описательного перевода слово становится для иностранца невоспринимаемым, ему сложно будет его запомнить и выстроить ассоциации. Далее идет прием генерализации (16 %), в некоторых случаях он был уместен, так как можно было подобрать слово с наиболее широким понятием. Наименее используемым способом оказалось калькирование (6 %).

Переводчик должен тщательно изучить реалии прежде чем приступать к передаче безэквивалентной лексики. Необходимо принять во внимание национальные особенности, для того чтобы в полной мере передать смысловую нагрузку текста. Переводчик может успешно добиться данной цели только лишь в том случае, если в полной мере ознакомится с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и другими особенностями народа, с языка которого он переводит.

Результаты исследования могут найти свое применение в дальнейшем изучении функционирования и способов передачи безэквивалентной лексики, а также могут быть использованы в качестве материала при проведении экскурсий иностранным гражданам в Чувашской Республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова А. Е., Громова Е. Н. Перевод чувашской безэквивалентной лексики на английский язык // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы : сб. науч. ст. – Чебоксары : ЧГПУ, 2020. – С. 3–8.
2. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: фонетика и лексика. – М. : Наука, 1978. – 247 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. – М. : Р. Валент, 2014. – 360 с.
4. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. – СПб. : Типография издательства СПбГУ, 2006. – 200 с.
5. Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. – 525 с.
6. Культура Чувашского края. Часть I : учебное пособие / сост. М. И. Скворцов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1995. – 350 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2015. – 208 с.
8. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М. : Московский Лицей, 2016. – 207 с.
9. Михайлов П. П. Межъязыковая семантическая эквивалентность, неполноэквивалентность и безэквивалентность лексических единиц : на материале чувашского, татарского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Чебоксары, 2006. – 194 с.
10. Толстой Н. И. Заметки по славянскому язычеству // Обряды и обрядовый фольклор. – М. : Наука, 1982. – С. 49–83.
11. Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. – М. : Рус. яз., 1982. – 712 с.

Статья поступила в редакцию 31.05.2021

REFERENCES

1. Antonova A. E., Gromova E. N. Perevod chuvashskoj bezekvivalentnoj leksiki na anglijskij yazyk // Voprosy perevodovedeniya, mezhkul'turnoj kommunikacii i zarubezhnoj literatury : sb. nauch. st. – Cheboksary : ChGPU, 2020. – S. 3–8.
2. Ahmet'yanov R. G. Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov: fonetika i leksika. – M. : Nauka, 1978. – 247 s.
3. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode / pod red. Vl. Rossel'sa. – M. : R. Valent, 2014. – 360 s.
4. Ivanov A. O. Bezekvivalentnaya leksika. – SPb. : Tipografiya izdatel'stva SPbGU, 2006. – 200 s.
5. Kratkaya chuvashskaya enciklopediya. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2001. – 525 s.
6. Kul'tura Chuvashskogo kraja. Chast' I : uchebnoe posobie / sost. M. I. Skvorcov. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1995. – 350 s.
7. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. – M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2015. – 208 s.
8. Min'yar-Beloruhev R. K. Teoriya i metody perevoda. – M. : Moskovskij Licej, 2016. – 207 s.
9. Mihajlov P. P. Mez'h'yazykovaya semanticheskaya ekvivalentnost', nepolnoekvivalentnost' i bezekvivalentnost' leksicheskikh edinic : na materiale chuvashskogo, tatarskogo i russkogo yazykov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Cheboksary, 2006. – 194 s.
10. Tolstoj N. I. Zametki po slavyanskomu yazychestvu // Obryady i obryadovyj fol'klor. – M. : Nauka, 1982. – S. 49–83.
11. Chuvashsko-russkij slovar' / pod red. M. I. Skvorcova. – M. : Rus. yaz., 1982. – 712 s.

The article was contributed on May 31, 2021

Сведения об авторах

Громова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: yelenagromova@yandex.ru

Мозжегорова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: elenavanilla@mail.ru

Author information

Gromova, Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: yelenagromova@yandex.ru

Mozzhegorova, Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: elenavanilla@mail.ru